

Л. Ф. Лебедева²

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОДХОДОВ США К МЕЖДУНАРОДНОМУ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОМУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ НА НОВОМ ЭТАПЕ ГЛОБАЛЬНОГО СОПЕРНИЧЕСТВА³

Пересмотр форматов торгово-экономического взаимодействия между субъектами мирового хозяйства, масштабы и характер использования Соединенными Штатами и рядом других стран все более широко-

¹ Бетелин В. Б. О проблеме импортозамещения и альтернативной модели экономического развития России // Стратегические приоритеты. 2016. № 1 (9). С. 11–21.

² Главный научный сотрудник Института США и Канады РАН, руководитель Центра социально-экономических исследований и проектов Института, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Автор более 280 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Иностранный капитал в экономике США», «Государство и бизнес: стратегия взаимодействия в экономике XXI века» (в соавт.), «Международная торговля: вчера, сегодня, завтра» (в соавт.), «США: государство–человек–экономика: региональное измерение» (в соавт.), «Пенсионные системы стран мира: стратегии и опыт модернизации» (в соавт.), «Роль государства в социальном обеспечении пенсионеров: повестка XXI века» (в соавт.), «Приоритеты научно-технологической политики США» (в соавт.) и др. Член редакционных советов журналов «Международная торговля и торговая политика», «США и Канада: экономика, политика, культура», «Россия и Америка в XXI веке».

го круга ограничительных практик актуализируют исследования их последствий на глобальном, региональном, национальном уровнях, в том числе в контексте влияния на торговлю, инвестиционный обмен между странами, технологический трансферт, развитие международной интеграции. «При всей динамичности процессов, протекающих в сфере изучения мировой экономики, сама она меняется еще быстрее, что неизбежно ведет к формированию „белых пятен“ на интеллектуальной карте исследователей»⁴. Для осмысления формирующейся новой конфигурации международных отношений исключительно важно выявление происходя-

³ Доклад подготовлен по материалам исследования при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-014-00001-А «Глобальные и региональные последствия экономической политики США во втором — начале третьего десятилетия XXI века: новые вызовы и возможности для России».

⁴ Афонцев С. А. Новые тенденции в развитии мировой экономики // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63, № 5. С. 37.

щих сдвигов в мирохозяйственных связях; со всеми их текущими, краткосрочными эффектами, а также многосторонними долгосрочными последствиями.

Изменения в национальных подходах к торгово-экономическим отношениям в мире, их регулированию сопровождаются перераспределением позиций традиционных лидеров и набирающих силу игроков; происходит «укрепление новых региональных и глобальных центров мировой экономики и политики и развитие сложной многовекторной системы сотрудничества и конкуренции между ними, а также между ними и прежними лидерами международной системы, которые всеми средствами стремятся сохранить за собой доминирующие позиции»¹. Соединенные Штаты Америки в борьбе за мировое лидерство демонстрируют применение различных инструментов, обосновывая их особенностями «новой эры конкуренции» в военно-политической, финансово-экономической, технологической сферах. В Стратегии национальной безопасности США (2017) экономике и внешнеэкономическим отношениям страны уделено особое внимание не только в плане защиты национальных производителей и укрепления их позиций на мировых рынках, но также и в контексте отстаивания с союзниками и партнерами «общих интересов в сфере политики и обеспечения безопасности»². Такой позиции, по сути, придерживается и президентская администрация Джозефа Байдена, при всех различиях по вопросам позиционирования США в мире, в сравнении с администрацией Дональда Трампа.

На рубеже второго-третьего десятилетий в США ключевым положением концепции достижения превосходства над соперниками была заявлена «стратегия сдерживания» их развития (прежде всего Китая и России)³. В ряде экспертных оценок американских исследовательских центров⁴ среди наиболее эффективных инструментов «дестабилизации», «подрыва» российской экономики выделялось использование санкций, а для повышения их влияния — совместные действия с союзниками, партнерами.

Использование санкций закреплено в США законодательно, а в самом названии закона «Countering America's Adversaries Through Sanctions Act», который был подписан в августе 2017 года бывшим в то время президентом США Дональдом Трампом, сформулирована их главная цель — «противодействие противникам Америки». Во «Временном стратегическом руководстве по национальной безопасности» (2021)⁵, принятом в первый год президентства Джозефа Байдена, уточнены направления сдерживания развития России, Китая, сплочения западной коалиции в целях противостояния ключевым соперникам.

¹ Войтоловский Ф. Г. Трансформация внешних условий обеспечения национальной безопасности России // Вестник Российской академии наук. 2019. № 4. С. 393.

² National Security Strategy of the United States of America. Washington D. C. : The White House, 2017. P. 38.

³ Competitive Strategy vis-a-vis China and Russia. Washington D. C., 2020.

⁴ Extending Russia: Competing from Advantageous Ground. Santa Monica, U. S. : RAND Corporation, 2019.

⁵ Interim National Security Strategic Guidance. Washington, 2021.

Учитывая основополагающую роль разработки и внедрения передовых технологий в обеспечении национальной безопасности и позиций страны в мире, стратегических конкурентных преимуществ, в фокусе внимания американских правящих кругов — вопросы, связанные с поддержкой разработки и доведения до практического использования в оборонной и гражданской сферах «критически значимых технологий», в том числе «зарождающихся технологий»; с развитием государственно-частного партнерства. Одновременно возрастающее значение в политике Вашингтона приобретают защита национальных научно-технологических достижений от их использования другими государствами, усиление экспортного контроля относительно технологий, наукоемкой продукции, в том числе совершенствование законодательства в данной сфере.

Положения Закона США «О реформе экспортного контроля», вступившего в силу в 2020 году, конкретизируют порядок экспортных ограничений в рассматриваемой области, в частности уточняя понятия «критические технологии» (*critical technologies*) и «зарождающиеся технологии» (*emerging technologies*). Таким образом, речь идет об ограничении доступности для других стран разрабатываемых технологий, которые могут стать критически значимыми для национальной безопасности США в перспективе. По Закону «О реформе экспортного контроля» предполагается их мониторинг (на основе президентских распоряжений) для включения в списки подпадающих под определение критических технологий. В русле утверждения данных ограничений в качестве национальной стратегии в то время президентом Дональдом Трампом в 2020 году была утверждена также «Национальная стратегия для критических и зарождающихся технологий» (*National Strategy for Critical and Emerging Technologies 2020*)⁶, защита которых призвана воспрепятствовать их использованию соперниками.

Во втором — начале третьего десятилетия XXI века претерпела трансформацию и позиция Вашингтона относительно участия в международной экономической интеграции. Политика США по пересмотру торговых соглашений в период президентства Д. Трампа (в том числе с ближайшими партнерами, когда, например, соглашение ЮМСКА (США, Мексика, Канада) заменило НАФТА) была представлена как движение к «новой модели торговли для XXI века».

Продвижение формирования трансконтинентальных партнерств (Транстихоокеанского партнерства (ТПП) и Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТАТИП)) отличалось высокой степенью активности в период президентства Барака Обамы, исходя из необходимости укрепления позиций США в Азии и Европе.

Соглашение о транстихоокеанском партнерстве было заключено в феврале 2016 года двенадцатью государствами⁷ и оценивалось в Соединенных Штатах как одно из важнейших достижений президентской администрации Обамы для упрочения американских пози-

⁶ National strategy for critical and emerging technologies. Washington, 2021.

⁷ Австралия, Бруней, Вьетнам, Канада, Малайзия, Мексика, Новая Зеландия, Перу, Сингапур, США, Чили, Япония.

ций в регионе. Однако после выхода США из Соглашения ТТП, с приходом в Белый дом в 2017 году Дональда Трампа, 11 стран заключили Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о транстихоокеанском партнерстве (ВПСТТП), вступившее в силу в конце 2018 года. Участникам ВПСТТП предстоят еще сложные переговоры по дальнейшему уточнению положений, регулирующих как непосредственно торговые отношения, так и связанные с особенностями участия государства в поддержке национальных производителей в странах-участницах; с экологическими, трудовыми стандартами, вопросами защиты прав интеллектуальной собственности и др. Но, несмотря на все сложности и сохранение неопределенности по ряду позиций, перспективы трансконтинентального партнерства не лишены привлекательности для ряда других стран, рассматривающих возможности присоединения к нему.

Решения Вашингтона по торговым соглашениям в русле «новой модели торговли для XXI века», выхода из достигнутого соглашения по ТТП способствовали ускорению формирования других торгово-экономических объединений, в том числе в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В связи с этим не стоит исключать возможности присоединения новых членов и к ВПСТТП,

и к Всеобъемлющему региональному экономическому партнерству (ВРЭП), соглашение о котором было подписано в ноябре 2020 года и вступило в силу 1 января 2022 года. Объединив страны АСЕАН (Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд, Филиппины) с крупнейшими торговыми партнерами (Китай, Япония, Республика Корея, Австралия, Новая Зеландия), ранее подписавшими соглашения о свободной торговле с АСЕАН, Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство стало крупнейшей торговой зоной. Инициативы по ее расширению требуют последующих существенных уточнений и согласований, достижение которых зависит от множества экономических и политических факторов.

В сложившейся ситуации для России актуализируется продвижение Большого евразийского партнерства «с участием Евразийского экономического союза, а также стран, с которыми... уже сложились тесные отношения... и других заинтересованных государств и объединений»¹; расширение сотрудничества с дружественными и нейтральными странами при использовании возможностей увеличения их числа; формирование повестки с союзниками и партнерами по развитию торгово-экономического взаимодействия.